18+

Колобова Оксана

ОСЕНЬ

No. 41

Оксана Колобова

Осень №41. Декорации нашей жизни

«Издательские решения»

Колобова О.

Осень №41. Декорации нашей жизни / О. Колобова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-657991-0

«…В жизни всегда есть то, что всегда находится в центре внимания, мотивации и желания проживать каждый день. По сути, это и есть смысл. Но есть то, чем нужно заполнить оставшиеся пустоты. То, что будет слегка ненастоящим, но в целом будет похоже на то, что могло бы вам подходить. При потере главного смысла эти декорации могут симулировать и мотивацию, и смысл. Они могут заменить все, и с течением времени этот привкус ненастоящего станет нормальным делом, потому что никакого другого не будет…»

ISBN 978-5-00-657991-0

© Колобова О.
© Издательские решения

Осень №41
Декорации нашей жизни

Оксана Колобова

© Оксана Колобова, 2025

ISBN 978-5-0065-7991-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это был один из дней, что был точь-в-точь как предыдущий. День, в котором все дышало и говорило о чем-то прошедшем, зацикленном, о том, чему давно пора умереть. С утра до вечера стоял дождь, как вчера, позавчера, и как позапозавчера. Мне казалось, что один и тот же день случался со мной вот уже в который раз. Казалось, что я погряз в чем-то, из чего нет выхода. Так или иначе, я погряз в нем вместе с дождем. И с этой улицей, блестящей от вывесок и окон, зачастую именно фиолетовых. Почему-то в этих местах очень любили цветы. А может, и коноплю. Этого я знать точно не мог. Так или эдак, мне было по барабану что там у них под этими лампами. Я просто брел, держа под головой зонтик, пока дождь тихонько разбивался о его натянутую ткань. Этот звук всегда приносил мне успокоение. Мой мозг был мягким и потому думать выходило только о всякой ерунде, которая по большому счету толком не была мне интересна. Я смотрел на что-то и параллельно думал о том, что видел. А потом мысль шла себе дальше, и то было вполне естественно.

Думая о фиолетовых лампах, я думал о конопле, потом думал об Африке и моем старом друге, который присылал мне оттуда фото. Фото, как он обнимается с чернокожей женщиной, фото, где он в пустыне, в бандане и широких очках, фото, где он жмет руку какому-то мужчине из племени, фото, где он разжимает пасть крокодилу, фото, где он широко улыбается, показывая на ладони жука скарабея. В том письме было много всяческих снимков. Этого парня звали Али. Мы вместе учились на энтомологии и были лучшими друзьями. Вскоре после выпуска его карьера пошла высоко в гору, а я осел там, где привык находится. Думая об Али, я думал о его собаке. Думая о его собаке, я думал о своей собаке из детства, а потом возвращался к лампам. Лампы здесь были всегда и мой пес всегда задирал голову к окнам, чтобы на них посмотреть. Мы садились на лавочку и подолгу смотрели людям в окна, наблюдая, как они перемещаются в других комнатах. Думая о тех фиолетовых лампах, я думал о том, что для конопли в этом районе жили довольно порядочные люди. Они всегда здоровались, и зачастую именно те, кто меня не знал и даже первый раз видел. Я считал это дикостью и в свою очередь ни с кем не здоровался, иногда даже с теми, кого знал даже слишком хорошо.

Идя из своего антикварного магазина, я всегда шел по этой улице, а потом оседал в пабе на пересечении двух улиц, этой и другой, обе были без названия. Улица №1 и улица №2. Какая из них была первой, а какая второй, нигде написано не было. Потому, какая из них на моем пути встречалась первее, была первой, а оставшаяся второй. В пабе я брал себе горький эспрессо и иногда пиво, садился за стол у окна и читал какую-нибудь книжку, а иногда просто раздумывал о чем придется. Когда я допивал свой напиток, иногда по настроению я брал себе что-то поесть, а потом, когда заканчивалась и еда, я еще долго сидел, пока не уставал от самого сидения. Тогда я вставал, разминался, и зачастую все равно садился обратно, но надолго меня не хватало.

Каждый раз мне было жаль уходить. Здесь были люди и для души мне этого было достаточно. Ни с кем не разговаривая, я все равно испытывал чувство некоего удовлетворения, просто смотря на их лица и подслушивая чужие разговоры, будто бы я в них участвовал. Я любил

людей, любил наблюдать за ними. Любил наблюдать за животными, но не прикасаться к ним. В компании я был тем самым парнем, который молчал, улыбался и наслаждался тем, что происходит. Но не говорил. Ни словом, ни телом не показывал своей причастности. Я так привык. Роль наблюдателя была самой приятной из всех, в которых мне доводилось находиться. Не столько потому, что мне было нечего сказать этим людям, сколько потому, что в молчании все вокруг становилось красочнее, все равно что среди годового запоя неожиданно для себя один день прожить трезвенником.

Идя по улице, я знал, что этот день закончится точно так же. В пабе будут сидеть те же самые люди, что и вчера, и вероятнее всего, говорить они будут об одних и тех же вещах. Не сказать, что меня подобная осведомленность не устраивала. Всегда спокойнее жить, зная, чего ожидать от сегодня, от завтра и от других таких же дней. Единственное, что наполняло мои дни разнообразием, так это работа в моем антикварном магазине и, пожалуй, выбор еды на ужин. Но я не жаловался. Так должно было быть. Я это сам для себя выбрал.

Дождь продолжал идти, а я продолжал думать, слыша, как вода хлюпает под резиновыми сапогами. Последний месяц я из них не вылезал. Это были темно-зеленые сапоги с толстой черной подошвой, доходящие до середины икры. В такую погоду они здорово меня выручали. Думая о сапогах, а потом и о лужах, на которых плясали увесистые капли дождя, я не сразу заметил движение по правую сторону от себя. Что-то заставило меня поднять голову, хотя я всю жизнь проходил, смотря себе под ноги. Ну не имел я привычки озираться по сторонам, как зевака, и все тут. Но в этот раз все было иначе, и я понял это, когда повернул голову.

По другую сторону от проезжей части бежала женщина. Босая и сырая с головы до ног, она неуклюже бежала по тротуару, стараясь ступать точно так, чтобы не попасть в лужу. В руках у нее были туфли и еще какие-то шмотки, которые она закинула себе на спину. Я остановился и стал наблюдать, с неловкостью поглядывая на рукоятку своего зонтика. Очевидно, мне повезло немного больше, чем ей, но она же нисколько не возмущалась, только вскрикивала и смеялась, когда потоки сточной воды с крыш обрушивались ей за шиворот. Она проводила рукой по лицу и волосам, неизменно отряхивалась, как собака, и продолжала бежать трусцой, спотыкаясь на каждом шагу. Волосы, я предположил, огненно-рыжие, свисали по мокрой белой рубашке, вмиг превратившейся в тряпку.

Я так и стоял, не зная, чем именно это зрелище меня зацепило, но я не мог найти в себе хоть сколько-нибудь душевных сил отвернуться и пойти туда, куда с самого начала собирался пойти. В конце концов, многие проходящие мимо люди нашли бы такое пристальное наблюдение чем-то неуместным и даже постыдным, но вокруг не было ни души. Ни одного порядочного любителя конопли, который бы со мной поздоровался. Только я и та незнакомка. Да и та, казалось, даже не замечала меня, стоящего под кленом, в тонкой ветровке и с зонтиком цвета хаки. Она была занята своим бегством от дождя, которое могло закончится крышей или зонтиком какого-то проходимца вроде меня. Но ее бы это уже не спасло.

Женщина добежала до середины тротуара, примерно там же, где стоял и я, только через дорогу, где прямо сейчас проехали две машины, чуть не окатив ее с головы до ног. Я знал, что она собирается перебежать дорогу, и с замиранием сердца следил за ее фигурой, собираясь, как и прежде, оставаться молчаливым наблюдателем, которого та женщина могла запросто принять за дерево. Оглянувшись в обе стороны, она трусцой побежала по мостовой, размахивая своими туфлями. Я следил. Вот она суетливо прячет лицо в сгибе локтя, убирая с глаз воду и налипшие на лицо пряди. Вот бдительно посматривает по сторонам, а потом ее взгляд вдруг падает на меня, и мы сталкиваемся глазами, вздрагивая, как подстреленные.

Я был безнадежен. Ее глаза вдруг удивленно округлились и брови поднялись домиком. Следом на лице появилась улыбка, от которой вокруг рта и глаз расползлись морщинки, где помельче, где покрупнее. Они были словно рябь на воде. Это выдало в ней женщину, что теперь была куда ближе к старости, чем к молодости. Я был точно таким же. Стиснув челюсти, я

крепче взялся за ручку зонта и твердо зашагал вдоль по улице. Я хотел забыть обо всем. Забыть, что рассматривал ее и был пойман. Почему-то я посчитал, что она внутренне надо мной насмехалась.

– Молодой человек, постойте, пожалуйста!

Я застыл на месте, ощущая, как все мысли разом замирают внутри, словно кто-нибудь включил над ними громкую и ослепительную вспышку. Все остановилось, и только мелкие дождинки продолжили скатываться по моим резиновым сапогам. Я терпеливо рассматривал грязь под ногами, которую перекатывал подошвами туда-сюда, в ожидании того, как что-то должно случиться. Что-то, что не вписывалось в мои планы. Что-то, что не было похоже на мою привычную жизнь. В ней уж точно не было места таким вот женщинам, промокшим под дождем, босым и с туфлями в руках, и которые, может статься, были одного со мной возраста.

– Я уже не так молод.

Вспышка ушла, осталась лишь одна ясность. Вот она стоит передо мной, а потом ныряет мне под руку и оказывается там же, где и я – под зонтом. Я только в эту секунду услышал, как громко дождь колотил по нему. Должно быть, пока я наблюдал за ней, не заметил, как тот усилился. Я смотрел на нее, ощущая, что вновь обрел то, что когда-то давно потерял. Эти руки, вцепившиеся в зонт рядом с моими руками. Эти глаза, коричневые и пустые, похожие на все подряд и вместе с тем не похожие ни на что. Эти губы, что были словно отцветшая головка цветка, все еще имеющая надежды на цвет, за несколько мгновений до того, как та упадет наземь. Она была моего возраста. Я мог с точностью назвать эти числа. Я мог сказать, в каком месяце она родилась и какого числа, а еще – сколько тогда было времени. Она в ступоре разглядывала меня в ответ. Улыбка с ее лица пропала. Осталась лишь озадаченность и наблюдение за моими эмоциями. Я мог поклясться, что и думали мы об одном и том же. Находили в голове какие-то мертвые фрагменты прежних лиц, возвращали их к жизни и сравнивали с тем, что видели перед собой. А потом размышляли. Думали над тем, что изменилось, и как к этому теперь относиться. А самое главное – как относиться к человеку перед собой, что ему сказать и как себя повести.

– Это ты, Миш?

Ее глаза бегали, как мотыльки у лампы. Она изучала то, как я теперь выглядел. Какими теперь были мои эмоции и поведение. Двадцать лет не могли уйти просто так и она это знала, как знал и я. Можно было предположить, что мы уже не были теми людьми, которых когда-то очень хорошо знали. Она смотрела на меня с надеждой, что мы оба были в этом неправы и что мы остались такими, какими были тогда. Это было нечто вроде необходимости. Ей правда было необходимо это узнать. Она молча смотрела на меня снизу вверх, пока я не мог найти места у себя внутри – все теперь занимала паника и какое-то режущее ощущение как от утраты, словно прямо сейчас я кого-нибудь потерял, а не нашел. Наверное, во мне говорило прошлое. Прямо сейчас я в живую смотрел на свою утрату из прошлого.

– Я.

Она вздохнула. Маленькие волоски у ее лба тесно к нему прилипли. Я заметил, что она стала другой. Наверное, об этом она сейчас и подумала. А может, она так тяжко вздохнула, потому что все это время думала, что я стал другим. Но я не стал. Какие чувства она испытала от этой мысли? Горечь? Жалость? А может, облегчение?

Ее звали Кристина. Когда кто-то не мог правильно написать ее имя, она говорила – «не от слова «Христос», а от слова «крест». Она говорила, что если бы ей пришлось самой выбирать себе имя, она бы никогда не выбрала себе то, что ей дали родители. Она была бы Ольгой в честь Святой Ольги или Маргаритой в честь героини книги Булгакова. Она была вот такой женщиной. Во время нашей с ней молодости ее имя не было так популярно. Теперь же я был уверен, что сейчас каждый написал бы его так, как положено. Я знал пять или шесть Кристин. Все они были детьми моих соседей. Взрослую Кристину я знал только одну.

– А ты Кристина?

– Через «К».

– Я это знаю.

– Давно не виделись.

– Целая вечность прошла.

– Так только кажется. Человеческий век короток.

Она отряхнула волосы, смотря себе под ноги, и казалось, только сейчас смутилась того, что была с ног до головы в дожде.

– Ты тут живешь?

– До сих пор я нигде, кроме как здесь, не жил.

– Правда?

– Правда. Все по-прежнему.

– Женат?

– Был. А ты?

– Замужем.

Говоря это, Кристина нахмурилась, как если бы ей было за это стыдно. Можно подумать, мы до конца жизни должны были остаться одинокими. В нашем мире это исключено. Было бы глупо хранить верность какому-то расплывчатому воспоминанию из прошлого. Нас обоих это касалось.

– Развелся?

– Можно и так сказать.

– Дети?

– Есть один, маленький. Остался с женой.

Она поджала губы. Ей хотелось показать мне, что ей не все равно. Но я и без того знал об этом. Мне тоже не было все равно.

– А у тебя?

– Нет. Детей нет.

Она как-то криво улыбнулась и закачала головой, от чего с ее волос и одежды мне на руки посыпались мелкие дождинки. Почему-то мне понравилось это чувство. Мы какое-то время молчали, стоя под моим зонтом цвета хаки. Дождь продолжал идти и это было понятно. Я много раз замечал – что бы ни происходило, все продолжает идти своим чередом. Даже в такие моменты. Мы помялись еще немного, после чего она вдруг снова заговорила голосом, не похожим на тот, которым она пользовалась со мной ранее.

– Не хочешь пойти под крышу?

– Под какую крышу ты хочешь?

Она хмурилась и кусала изнутри щеки, казалось, борясь с каким-то внутренним чувством.

– Куда ты собирался идти?

– В паб. Я часто сижу там после работы.

– Выпиваешь?

– Да не всегда. Просто сижу. Смотрю на людей. Коротаю время.

– Я могла бы пойти с тобой. Вместе посмотрим на людей и… Скоротаем время. Хочешь?

– Ты разве никуда не торопишься?

– Нет. Совсем.

Я рассовал руки по карманам и пошел вперед, пока она поспевала за мной, держась за зонт свободной рукой. Я привычно смотрел под ноги. Я в сапогах, она босая. Подобная сцена уже могла повториться в прошлом, и не один раз, и от этой мысли мне становилось не по себе, словно мое сознание раскалывалось на две части, одну – похожую на нее, и вторую – похожую на меня. Я не рассчитывал, что все это может повториться теперь, в той маленькой жизни, что я

вел сейчас. Все несмотря ни на что должно было оставаться на своих местах, а не мешаться под ногами у людей, которые через все это уже однажды прошли. Но им ничего другого не остается, кроме как принять то, что происходит, вне зависимости от того, как это на них отразиться.

Мне не нравилось, как я чувствовал себя рядом с ней в этот момент. Что-то того гляди готовилось проклюнуться внутри меня, словно росток из асфальта, который я сам же внутри себя и уложил. Так во мне появлялось все больше воспоминаний и чувств, которые, казалось, я давным-давно оставил где-то далеко позади. Если быть честным, я ничего бы не стал менять, но у происходящего были на то свои планы. Не сказать, что я что-то к ней сейчас чувствовал. Все это уже десять раз умерло и сменилось другими обстоятельствами, как и подразумевалось. Поэтому все, что я сейчас чувствовал и испытывал, диктовал не я сам. Это во мне говорило прошлое, искаженное появлением настоящего, – прежде далекое и неосязаемое, а теперь очень близкое, пришедшее ко мне в других одеждах. Но это было оно. То самое, что в свое время перепахало мне сердце и сделало меня таким, каким я был до сих пор.

Мы продолжали идти. Я чуть быстрее, а она чуть медленнее, стараясь обходить камни и битое стекло, а еще держать голову ровно под зонтом. Так было всегда. Я всегда бежал впереди поезда, а она меня догоняла. В конце концов, мне надоело бежать, а у нее, как и прежде, осталась потребность кого-нибудь догонять. Как оказалось, без этого все перестало иметь всякий смысл и наши отношения тоже. Вот так. Не бывает ничего вечного. Весь асфальт под нами был глянцевым, а где-то и неоново-фиолетовым от пятен бензина, в которых ко всему прочему отражались балконы, в которых выращивали цветы или коноплю. В этих лужах, где мы отражались, от дождя расходились круги. Я боялся туда смотреть. Мне казалось, если я загляну туда снова, то увижу что-нибудь, что никогда не смогу забыть.

Внутрь паба мы заходить не стали. В таком виде ее бы все равно не пустили и предложили бы сесть на веранде. Здесь было несколько деревянных столиков и лавочек, по бокам слегка орошенных дождем. Они примыкали вдоль к окнам и стояли под ярко-красной крышей, удлиненной так, что захватывала она не только столики, но и клумбы с цветами. В них росли белые лилии и еще какие-то цветы, мне незнакомые. Каждый раз, останавливая на них свой взгляд, я зарекался, что этим вечером точно поищу их название в интернете, но каждый раз все равно забывал.

Кристина надела туфли и поправила волосы, уложив их в высокую прическу только при помощи рук. В ее вещах я рассмотрел пакет с продуктами, какой-то холщовый мешок, в похожем я в детстве носил в школу сменку, и маленькую женскую сумочку, в которую бы не поместилась и доля того, что я носил с собой каждый день. Я отряхнул зонт, сложил его и положил на скамью рядом с рюкзаком и ветровкой. Я остался в одной футболке, и теперь, покончив со всем, она с интересом меня разглядывала, пока я изучал меню, которое мог бы пересказать наизусть.

– Ты здорово изменился.

Я на секунду поднял на нее глаза, чтобы снова опустить их в меню. Только в этот раз я заметил, что на страницах везде были разводы от пива, а то и круги от кружек.

– Правда?

– Да. Бороду отпустил. Волосы теперь длинные.

Я неосознанно провел ладонью по лицу, а потом и по волосам, что были собраны сзади примерно так же, как у нее. Но я понимал, как мы сейчас выглядим вместе. Как два человека с разных концов земного шара. Мы всегда так выглядели. Можно сказать, это было одно из немногого, что осталось по-прежнему.

– Тебе идет. Выглядишь иначе. Брутальнее.

– Ты так считаешь?

Она только кивнула. Когда пришел официант, она взяла себе темный эспрессо и сэндвичи с сыром и колбасой, а я – пива, тоже темного, и к нему поднос чесночных гренок. Когда

официант, держа над головой ветровку, исчез внутри здания, все вокруг стало таким пустым, что нам стало ясно – нужно о чем-то заговорить. Я достал сигарету и держа ее между пальцев, чувствовал, как она смотрела то на меня, то на мою руку, то на сигарету. Ее вдумчивый взгляд был таким тяжелым и всеобъемлющим, что можно было представить, как он в форме какого-нибудь муравья или луча света ползет по мне во все стороны.

– Чем сейчас занимаешься?

Она улыбнулась. Наверняка ей нравилось ее дело. А может, она очень ждала от меня хоть каких-нибудь слов.

– Я реставратор.

– Надо же.

– Занимаюсь реставрацией битой керамики или фарфора. Вообще-то, я позаимствовала это у японцев. Смешиваешь лак с золотым порошком и склеиваешь кусочки того, что разбилось. Неважно, что это будет – ваза, горшок для цветов или чашка. Я все могу починить. Но починить так, чтобы было видно – когда-то эта вещь была безнадежно разбита. Кусочки, предположим, были белого цвета, а теперь места, где прежде были обозначены трещины, будут золотого цвета или такого, какого пожелаешь.

– Звучит довольно неплохо.

Я внимательно смотрел на нее, прикладывал сигарету к губам и чувствовал, насколько моя хватка была нетвердой, словно сама сигарета сейчас возьмет и выкатится у меня из руки.

– Да, неплохо. Зачастую я беру разбитую посуду со свалки или у своих знакомых. Однажды моя подруга разбила тарелку, которая досталась ей то ли от бабушки, то еще от какого-то предка. В общем, ей было жаль выкидывать эти осколки и вообще она очень расстроилась. Вот я и предложила ей такую идею. Тогда она сказала, что не будь этих золотистых прожилок, она ценила бы эту тарелку куда меньше. Когда знаешь, что что-то однажды уже сломалось, никогда не допустишь этого снова. В этом вся ценность. Поэтому я не использую краску под цвет осколков.

Я кивнул.

– Я понял. Бесполезно скрывать то, что когда-то случилось. Бессмысленно скрывать это от себя и других.

Она тоже кивнула. Ее глаза на миг загорелись, словно она узнала во мне того, кого ей когда-то уже приходилось знать. Из открытого окна паба к нам влетел громкий смех. Компания из пяти или шести мужчин, их жилистые коричневые лапы, держащие, казалось бы, уменьшенные версии пивных бутылок, потом сами бутылки, поднятые вверх к свету, и влетевшие друг в друга с крепким отрезвляющим звоном. И смех. Их лица были почти одинаковы. Коричнево-оливковые и желтозубые. Какие-то головы были совсем полысевшими, какие-то все еще пытались иметь впечатление человека с волосами, кое-как распределив по черепу то, что от них осталось. Я поймал целых две мысли. Первая была связана с их пивными бутылками. Если бы они разбились в этом ударе, Кристина бы склеила эти осколки или она склеивала только что-то очень и очень особенное? Да уж, кто бы только посчитал пивные бутылки достойными реставрации… Вторая мысль была связана уже со мной. Я думал примерно так: если бы под этим дождем мне не встретилась моя бывшая женщина, я бы сидел внутри и рассматривал этих мужчин вблизи, подслушивал их разговоры и улыбался, как мне и полагалось. Не знаю, что мне это давало. Я просто об этом думал. А еще немного жалел. Все-таки, каждая вещь на свете должна занять лишь одно место, и не должна вставать с него до самого конца своих дней. Так это было или не так?

– Жаль, что со всеми вещами в мире так не получится. Хотелось бы уметь чинить не только тарелки, а все, что ломается. Людей, например. Животных.

Я ничего ей на это не ответил. Она поежилась, и я несколько раз назвал ее в свой голове именем Кристина. Сперва она смотрела когда-то в сторону, куда-то, где были фиолетовые бал-

коны или цветы на обочине, в которых они отражались. А потом, словно мысленно отозвавшись на свое имя, посмотрела на меня, прищурившись, как если бы собралась сканировать мою душу.

– А ты чем занимаешься?

– Я коллекционер.

– Что коллекционируешь? Неужто бабочек?

Я кивнул. В прошлом я допускал другим людям знать меня гораздо ближе, чем я бы позволил сейчас. От мысли, что женщина напротив могла знать меня больше, чем я сам, вводила меня в ступор. Я уж и забыл об этом ощущении. О той близости, что может возникать между чужими людьми, а со временем, как бы ни удивительно это ни было, никуда не исчезать, даже если исчезнуть приходится этим людям. Это ничего не меняло.

– Надо же. Ты почти не меняешься.

– Было бы для чего. Меняться.

– Оно верно.

Мы молчаливо рассматривали друг друга, пока дым от сигареты попадал мне в глаза, но я зачем-то держал их открытыми, а сигарету по-прежнему рядом с лицом. Проезжали машины. Шорох от шин резал по ушам в той тишине, что мы находились. Вскоре официант принес все, что мы заказали, и потом, укрывшись сверху ветровкой, как и в первый раз скрылся внутри паба. На миг открытая дверь пустила на улицу порцию лязга и гомона, потом, плотно закрывшись, их поглотила, словно той секунды никогда не существовало. А она, все такая же красивая, похожая на раннее утро или вечер, в эту секунду была не похожа на все остальное, словно кусок с одной фотографии, приклеенный на совершенно другую. Такой она мне казалась тогда.

– Расскажи мне, каково это? Ты бываешь в экспедициях? Колесишь по всему миру, значит?

Кофе из ее кружки слишком громко пах. Даже запах сырого асфальта с ним не сравнился.

– Не обязательно. Эти экспедиции сами приходят ко мне. Заходят в мой двор и садятся на ступеньки. Ждут, когда я приду на работу.

– Это как?

Кристина склонила голову на бок. И снова при упоминании этого имени в моей голове случилась поломка. Мне хотелось называть ее как угодно, но точно не так.

– Люди сами приносят мне бабочек. Маленьких, больших, редких и не очень. Всяких.

– Выходит, так. Ты платишь этим людям, а они приносят тебе бабочек?

Я отпил немного пива и посмотрел в сторону на дорогу. Когда в окнах гас свет, балконы продолжали гореть фиолетовым. Это придавало мне некой уверенности в настоящем. Если вокруг невесть что, а балконы горят – все в порядке. По дороге под моим взглядом проехало еще сколько-то машин, а я все думал, говорить ей или не говорить. В прошлом она знала меня лучше, чем все остальные. Я много раз об этом жалел. Стоило ли повторять это снова?

– Не совсем так. Это они мне платят.

Я выпил еще пива и стал крутить в руках пачку от сигарет.

– Эти люди платят тебе, чтобы ты взял у них бабочек?

– Да, именно так.

– И это твоя работа? Брать у людей этих бабочек?

– Вроде как. Никакой другой работы у меня нет.

– Ты берешь с людей деньги за то, что они привозят тебе бабочек, каких ты только захочешь. А вечерами сидишь здесь и коротаешь время за пивом и наблюдением за другими людьми. Ты стал скрытным и почти ни с кем не общаешься…

– Как это почти? Я часто общаюсь с людьми, которые приносят мне бабочек.

– Об экспедициях?

– Скорее, о жизни.

Она отхлебнула немного своего кофе и постучала пальцами по чашке, после чего издала затяжной вздох, совсем такой же, какой издают люди, когда перестают плакать. Я машинально посмотрел в ее лицо. В моих воспоминаниях ее лицо давно кто-то вырезал, наверное, для того, чтобы у вселенной хватило толка поместить ее сейчас передо мной. Но именно в этот момент, глядя на нее со всех сторон, я безусловно понимал, что это была она. Но что-то в ней было перекроено и переделано по-другому, и что это было, как не очередная вина обстоятельств?

Когда перед глазами появляться что-то, что ты видел много лет назад, но уже позабыл как оно выглядит, в голове поверх настоящего сразу же накладывается прежний образ. Я никогда не находил этому объяснения. Разве у людской памяти есть изнанка? Такой вполне себе внутренний карман, скрывающийся в подкладке пиджака. Так или иначе, так было и с ней. Своими взрослыми чертами, что отличались от тех, что я помнил, она давала мне вспомнить то, как все было тогда. Раньше у нее были другие волосы. Они были черными, как *отсутствие* всего на свете, и плотными, как охапка свежескошенного сена. Она никогда не заправляла их за уши, потому что стыдилась щек, и никогда не собирала их в хвост, потому что стыдилась ушей. Ее лицо, в прошлом какое-то растерянное и вопросительное, сейчас же обзавелось острыми скулами и открытым взглядом. Такой человек мог посмотреть в глаза кому угодно и спросить что-нибудь такое, на что никому не хватило бы смелости.

Сейчас она определенно выглядела немного иначе. В ней появилось то, чего раньше не было. То, с чем я еще не был знаком. Наверное, я смог заметить это, потому что во мне все осталось неизменным. Я остался в той точке, в которой повсюду искал ее в других женщинах еще лет пятнадцать назад. Искал, а потом осознал, что уже никогда не найду ее снова – только похожих. И теперь она сидела передо мной и посматривала по сторонам, совсем мокрая от дождя, отчего моментами ее одолевала мелкая дрожь. Она могла мне что-то сейчас сказать, а могла не говорить совсем ничего и просто пить кофе из чашки, теми руками, которые, было дело, раньше мне даже снились.

– О чем же можно разговаривать с людьми, которые приносят тебе этих бабочек? Неужто это так интересно?

– Это часть моей работы.

– Часть работы?

Она приподняла одну бровь. Брови у нее всегда были очень активными, так же, как и лоб. При любой эмоции он поднимался совсем как ткань, которую кто-то собрал в руках складками.

– Давай поговорим о тебе.

В первую минуту Кристина молчала. Казалось, в ее голове что-то просто не могло уложиться. Она часто моргала и мелко подрагивала от холода, как подрагивали лужи от прикосновений дождя. Я, наверное, мог предложить ей свою ветровку, но почему-то не стал.

– Раз уж ты меня спрашивала, я тоже у тебя об этом спрошу. Как этим твоим японским новомодным искусством у тебя выходит зарабатывать себе на жизнь? Разве это может приносить хоть какие-то деньги?

Она прищурилась. Я достал сигарету и снова оглянулся на людей за стеклом. Меня всегда посещали мысли, что все остальные куда более счастливы, чем был счастлив я сам.

– Может, но не так много, это верно.

Кристина снова выглядела так, как выглядела в нашем общем прошлом, когда я что-то утаивал и переводил тему, но она обязательно это замечала. Замечала, но ничего мне не говорила. Играла так, как играл я. Можно сказать, по моим правилам.

– Но это лучше, чем сидеть в офисе и плевать в потолок. Лучше, чем пустой запах денег в обмен на свободу и собственные желания. Мне надоело наступать себе на горло. Слишком уж это неоправданно. Ломать самого себя для того, чтобы продолжать жить. Как-то это противоестественно, тебе не кажется?

Я пожал плечами. Мы все так жили. Это была наша общая участь.

– Как есть.

Она продолжала. Я не мог оторваться от ее лица. При взгляде на нее во мне просыпалось что-то забытое.

– Оказывается, жить можно и по-другому. Жизнь никогда не останавливается. И ты не умираешь, когда решаешь выбрать себя. Ты не умираешь, когда принимаешь решения, которые разрушают твою жизнь. Они могут ее разрушить, да так, что ничегошеньки от нее не останется, но ты не умираешь. Даже когда ты разрушен, ты все равно не умираешь, а продолжаешь жить, как ограбленный дом. По-моему, только человек так умеет.

Я прикуривал, но не смотрел на огонь. Я смотрел на нее. В ней всегда было желание доставать всю себя перед кем попало, а потом как ни в чем не бывало засовывать все это обратно в себя и уходить, как если бы это не оставляло на ней никакого следа. Но я знал – на других оставляло. Я, конечно, был ближе к ней, чем какой-нибудь проходимец, но это еще как посмотреть. Иногда время берет свое и былые близости забываются. Забывается само привыкание. Непринужденность. Тогда приходится наверстывать прошлое, как если бы забывалось оно, а не само ощущение близости. Иногда приходится делать это снова и снова. Бывает так, что это стоит того. Разлука выстраивает между людьми непроходимую стену. Иногда это расстояние можно преодолеть, а иногда оно вырастает до таких размеров, что и целой жизни не хватит, чтобы вернуть все как было. Наперед, конечно, не угадаешь. В этом и был смысл.

– Я знал, что ты никогда не будешь юристом. Нутро у тебя не то, что хочешь делай.

– И это тоже.

– Ну так что, как ты это делаешь?

– Ну, сначала подбирала всякие разбитые вещи, склеивала для себя. Смотрела, как они меняются. Смотрела, как от этого меняюсь и я. Сначала я делала это для осознания, что все угодно можно исправить и починить. Вернуть в исходное положение. Теперь же, когда я снова в это не верю, в это верят другие. Кто притаскивает свои любимые разбитые чашки, даже целые сервизы, кто горшки и подсвечники. Однажды ко мне пришла парочка вместе с посудой, которую они вместе разбили в ссоре, вместо того, чтобы вновь покупать новую. То, что кто-то на их глазах ее склеит, должно быть, значило для них очень много.

Она вдохнула. На миг мне показалось, что вечер в ее глазах стал более блестящим и выпуклым.

– Может, они думали, что это как-то спасет их отношения и их самих. Когда я замешивала состав, я смотрела на их обреченные лица, у которых еще была их надежда. Этим они и были связаны. Надежда обязывает. Она обязывает к тому, чтобы все сбылось так, как этого хочет она. Правильно говорят, самое лучшее наступает тогда, когда уже не на что надеяться. Ты хотя бы свободен.

Я затянулся.

– Что потом было с той парочкой?

– Они ушли из мастерской, держась за руки и унеся с собой всю их посуду, которую я обжигала в печи в полной тишине. Они просто стояли и смотрели на этот огонь, будто он, а не они сами должны были все исправить. В тот момент я очень сильно их поняла. Ну, знаешь, по-людски. Иногда так хочется отдать ответственность за свою надежду кому-то другому. Я думаю, в тот раз они видели меня чуть ли не вершителем их судеб. Или судьбы. Наверное, такие люди не считают, что могут существовать отдельно от своего человека. Наверное, они на полном серьезе думают, что не могут жить друг без друга. Вот они и смотрели на меня так. Сидели плечо к плечу и ждали, когда это все сработает. Когда я достану посуду из печи и вручу им ее в руки, как талисман.

Я кивнул и отпил немного своего пива. Мой взгляд сам упал на ее руки, которыми она обнимала себя поперек.

– Ты сказала, ты больше в это не веришь?

– Не верю.

У меня было много вопросов. Я был уверен, что у нее тоже. Она долго вглядывалась мне в глаза и при этом ее лицо принимало какое-то тоскливое выражение. Она смотрела на меня так, будто бы съела что-нибудь горькое. Можно было подумать, эта встреча могла пройти по-другому, если в прошлом я представлял ее себе именно так. Тут я подумал, что Кристина думала о чем-то ином. Не о том, о чем она говорила. У нее и тогда замечательно выходило врать. Она делала это так просто, будто делала это буквально всегда, когда открывала рот. Но ее выдавало ее лицо. Примерно то же и случилось сейчас. Я смотрел на нее и думал, что своими разговорами о посторонних вещах она отвлекала нас друг от друга. Это было написано у нее на лице. Но я играл по ее правилам. Я был должен себе и ей – делать вид, что все так, каким она хочет, чтобы оно было.

– Оказалось, что так красиво склеить можно только посуду. Ну и кое-какие другие вещи. Все остальное – уродство. Человек будет так же уродлив, если попытаться его починить. Человека шрамы не красят. Только посуду.

– А если разрисовать их фломастерами?

Она улыбнулась. Я знал, как с ней *надо*. Это чувство все большего узнавания концентрировалось где-то в кишках и скручивало все внутри. Ее глаза вспыхнули и сразу смягчились, будто она пресекла внутри себя какие-то мысли.

– Ты думаешь, у той парочки все получилось?

– Едва ли. Когда единственное, что тебе остается – склеивать разбитую посуду, дела плохи.

– А как насчет человека, который ее склеивает?

Она снова улыбнулась, но по-другому.

– Как долго мы не виделись… Я уже говорила о твоей бороде?

– Да.

Кристина закусила губу и задержала на мне свой взгляд.

– Я в браке уже семь лет.

– Это же отлично.

– Да. Это хорошо.

– Счастлива?

– После семи лет счастье уходит к другим людям.

Она взяла в руки чашку. Ее волосы немного подсохли.

– Больше этого срока оно не живет.

– Почему?

– Моя бабушка говорила, что ему надоедают одни и те же люди. Оно уходит, чтобы сменить обстановку. Все эти люди думают, что так будет всегда. Они останутся такими же и будут чувствовать это до конца жизни. Но счастье от них все равно уходит. Оно уходит к другим. Может, пройдя несколько тысяч кругов от одних к другим, оно и может к тебе вернуться, но до этого еще надо дожить. Это необходимо, чтобы люди скучали по счастью. Не воспринимали его как должное. Счастье – противоположность тому, что принято считать чем-то должным.

– Так ты не счастлива?

Она улыбнулась и заглянула в свою чашку.

– Все-таки расскажи мне о своей работе. О бабочках и тех людях. Я тебе уже и так достаточно рассказала. Можешь считать, на сегодня я закрываю свой рот и набираюсь терпения, чтобы слушать. Я вся внимание.

Кристина сделала такой жест, будто закрывает рот на замок и выбрасывает невидимый ключ в сторону неоново-фиолетовых балконов. Я взял в руки стакан и отпил немного пива. Она сделала то же самое со своим кофе. Мне стало интересно сколько сейчас было времени.

– Не знаю что тебе рассказать.

– Все. Расскажи мне все.

В голове разом пронеслось все то, что я мог бы ей рассказать. Все то, что какое-то время было между мной и этой женщиной, а потом осталось где-то за горизонтом, словом, там, где нас уже никогда не будет. Я решил, что могу рассказать ей все.

– Помнишь, ты рассказывала? Если хочешь рассказать какую-то тайну, лучше рассказать ее тебе, либо взять лопату и выкопать в лесу глубокую ямку, склониться над ней и прошептать свою тайну прямо в землю. Потом закопать эту ямку и лопатой сравнять с поверхностью. Ты говорила, что только так можно сохранить свою тайну. Ты ведь помнишь?

– Я помню. Так что ты выберешь? Выкопать ямку или рассказать свою тайну мне?

– Я не могу сказать, что это секрет.

– Так чем ты занимаешься? Так не бывает, чтобы все было так просто.

Я взял сигарету из пачки и посмотрел на нее.

– Помнишь, у моего деда был старый гараж, который мы так и не смогли продать? Сначала я продавал там книги, кассеты и другие вещи, которые достались бывшей жене от отца. С отцом у нее и при его жизни складывались кое-какие неполадки, вот она особо и не дорожила его вещами. Считала, что они только занимают место и вместо них можно накупить новых. Прибыли почти не было. Да у меня и не было цели заработать. Гораздо важнее было весь этот хлам кому-нибудь сбагрить.

Я закурил и перевел дух, всматриваясь внутрь себя. Хотелось следить за тем, что я чувствовал, говоря те или иные слова.

– Впоследствии я сделал из него антикварный магазин. Я назвал его «Dreams never ends».

– Это как… «Мечты никогда не заканчиваются»?

– Да.

Кристина подложила руку под голову и легко улыбнулась.

– Это правда?

– Что?

– Что они никогда не заканчиваются?

– В моей лавке так точно.

Я допил свое пиво, оставив в бокале коричнево-белый налет, и стал обдумывать, с чего я мог бы начать.

– С одной стороны, я продаю. Но продаю не вещь, а услугу. Такие услуги никем ранее не оказывались, но обо мне знает не так много людей. У меня нет рекламы. Я сам нигде, кроме этого разговора, об этом не распространяюсь. Зачастую работает сарафанное радио, но не такое, о каком ты можешь подумать. Люди знают обо мне, но не подают вида, что знают. Они могут кому-нибудь рассказать и даже найти себе сообщников, но в том то и дело, что они ни за что не раскроют рта перед человеком, который в это не верит.

Она сложила на столе руки и положила на них подбородок, смотря на меня странными глазами, после чего сказала такие слова.

– Люди, которые ни во что не верят, опасны для общества. Они полагают, что без чудес можно и нужно жить. Должно быть, это приспешники дьявола.

Я улыбнулся. Ее волосы слегка подсохли и распушились так, как если бы Кристина только что надела через голову синтетический свитер.

– Рассказывай дальше.

Она снова сделала покорное лицо и после минутной паузы я все же продолжил.

– Им приходится быть осторожными. Подбирать свое окружение и свои последующие «уши» таким образом, чтобы ни у кого из нас не было неприятностей. Зачастую именно эти «уши» по их же стопам и приходят ко мне, жмут мне руку и рассказывают о своих бедах. Ну и, конечно, перед этим отправляются на поиски лучших бабочек. Я оборудовал для них

целые террариумы. Установил необходимую влажность. Два или три раза в день опрыскивал их крылья мелким дождиком из воды, чтобы пальца меньше осыпалась. Сделал так, чтобы в террариумах всегда было светло, но не слишком, и еще – поставил лишь такие стеклянные ящики, где лампы располагались снаружи, а не внутри. Это могло бы обжечь им крылья. Ну и все остальное – запас фруктов, приготовление сахарного сиропа из сахара и воды, уборка каждого террариума от фекалий. Также я вел журнал, где фиксировал все, что происходило в моем антикварном магазине. Кто приходил, его имя и адрес, с каким он пришел запросом, что мне рассказал, сколько заплатил и каких бабочек мне принес. Я документировал вид и подвид каждой особи, время поступления в магазин и дату смерти. Также я помечал, сколько бабочка потребляла пищи, сколько выделяла фекалий и, в конце концов, размножалась она или нет.

Ее лицо менялось от каждого моего слова. Сменяясь радостью и довольством, она удивлялась и в итоге осталась такой, что по ней сложно было сказать, на что та прямо сейчас смотрела внутри себя. Я остановился, чтобы перевести дух и подумать над своими словами – не сказал ли я лишнего, не приукрасил ли что-то, и в конце концов, что еще стоило сказать и не стоило, и какими словами. Незаметно дождь кончился. Духота ушла и подул холодок. Пришел официант и забрал посуду. Кристина взяла себе еще кофе, я же ни сказал ни слова, крутя зажигалку меж пальцев. Официант исчез. Дядьки за окнами заказывали больше пива и их лица становились только краснее. Кристина снова на меня посмотрела. Она ждала, когда я продолжу.

– Чем ты в итоге занимаешься?

– Я исполняю желания.

– Что ты делаешь?

Ее верхняя губа дернулась, а потом опустилась. Она сомкнула рот и продолжила слушать. Я вертел в руках зажигалку и испытывал жгучее чувство внутри, где-то в районе грудины. Оно приходило ко мне каждый раз в юношестве, когда я понимал, что снова показывал людям своих скелетов, хотя обещал себе во что бы то ни стало не приоткрывать перед ними дверцы своего шкафа.

– Я исполняю желания тех людей, которые ко мне приходят.

Мы выдержали долгий зрительный контакт.

– И как ты это делаешь?

– Сам не знаю.

– Выходит, они приносят тебе бабочек и платят деньги, чтобы ты исполнил их желание. Что происходит дальше?

– Они должны назвать день, в который их бабочка или бабочки должны умереть. Я фиксирую это в своем журнале и позже сверяю цифры. Зачастую это просто условность. Бабочки всегда умирают в назначенное время. В то самое время, которое наугад говорит мне человек. Жизнь бабочек, как и человека, нельзя загнать в рамки. Они могут прожить неделю, могут две и три, а могут прожить всего два дня. То же и с человеком.

Нахмурившись, она обернулась на официанта, который в эту же секунду решил принести ей кофе. Я замолчал и подождал, когда тот вновь зайдет внутрь.

– Но я сделал кое-что. Я приблизил условия содержания к идеалу. Посуди сама. У них была еда, был свет и необходимая для жизни температура. При этом у них не было врагов. Абсолютно никаких факторов, которые могли привести к неестественной смерти. Как раз таки наоборот. Подобное существование приводит только к естественной смерти, что значило бы – отмеренный им жизненный век был закончен. Они умерли так, как умер бы человек, никогда не знавший физического труда. Такой человек никогда не будет болеть и никогда не будет подвержен несчастным случаям. Все просто. Но знаешь что? Все бабочки умирали в назначенный час. Находясь в одних и тех же условиях и питаясь одной и той же едой, бабочки умирали в разные дни, иногда с отрывом в неделю и больше.

Кристина помешивала сахар в кофе. Я отдышался, пытаясь усмирить в себе весь этот столб из слов, которые выходили наружу уже не по моей воле. Я сам не заметил, как сдерживал в себе это желание с кем-нибудь этим всем поделиться. Я ощутил, как это жгучее ощущение оставило меня. Вместо него пришло спокойствие. Оно было похоже на чувство, что приходило ко мне, когда я задирал голову к фиолетовым балконам еще в детстве. Откуда-то сверху, где не было ни меня, ни всего того, к чему я привык, словом, с баснословной высоты, ниспадал снег, а я думал о лете и о кухонном окне, на свет которого слетаются мотыльки. Я дышал полной грудью, чтобы ощутить в груди легкий пожар.

– Дальше их бабочка умирает и их желание исполняется.

– Вот так вот просто? Получается, это не ты их исполняешь. А эти бабочки. Нет? Разве выходит не так?

– Так и выходит.

Кристина почесала подбородок и обняла себя руками.

– Если это правда, все, что ты говоришь, то это просто безумие.

– Здорово, правда?

– Да, и вправду здорово.

Я заметил на ее лице что-то, что было похоже не то на сомнение, не то на страх.

– Можно сказать, я никак в этом не участвую. Я лишь взвешиваю их желание и определяю, сколько бабочек мне необходимо, чтобы желание сбылось. Еще я решаю, какие именно это должны быть бабочки. Согласись, все не так просто. Если приходит ребенок и просит, чтобы его мама купила ему конструктор на день рождения, хватит и обычной голубянки. Но бывают и другие желания. Для них нужно нечто большее. Этим я и занимаюсь. Предоставляю людям все необходимое для того, чтобы их желания были исполнены.

– У тебя есть мысли, почему так происходит?

– Определенно.

– Но ты мне не скажешь?

– Это разговор для следующей встречи.

Она улыбнулась, а потом с грустью посмотрела куда-то вдаль.

– Это была отличная история. Буду ждать ее продолжения.

Я опустил взгляд ей в чашку. Кроме кофейной гущи там уже ничего не осталось. Я никогда не пил кофе вечером, но знал людей, которые пили и все равно отлично спали ночами. К их числу я не относился. Я боялся не уснуть. Каждая моя бессонная ночь давалась мне по-настоящему тяжело. Поэтому я частенько сидел здесь, дабы отсрочить момент, когда нужно было ложиться в постель. В моей голове было слишком много мыслей, самые смелые и постыдные из которых приходили ко мне ночами и садились на краешек матраса, мешая сну. Смотря на нее, я думал об этом. Думал о том, что пора возвращаться в свой пустой дом.

– Не оставишь мне номер телефона?

Я покачал головой.

– Давай встретимся на пересечении улиц №1 и №2 завтра в семь вечера. Ты придешь?

– Приду.

Когда Кристина ушла, я вспомнил, что так и не спросил ее, что она делала в этом богом забытом городишке, в котором мы провели нашу с ней молодость. Как я знал, она уехала отсюда сразу после того, что случилось, а я остался. Так было и сейчас. Она ушла, а я остался сидеть здесь, где еще витали смутные напоминания о ее парфюме. О том парфюме, которым она никогда не пользовалась в наше время. В то время она обещала, что до конца жизни будет пользоваться теми духами, которые я подарил ей на праздники. Обещала она это скорее себе, чем мне. Я в подобных обещаниях не сказать, что особо нуждался. Люди всегда врут. Не замечают, как врут себе и другим. Все потому, что они меняются. Меняются их волосы, их лицо, и в конце концов, их желания.

***

– Ты как-то изменилась.

– Правда?

Она снова размешивала сахар в своем кофе. В этот день не было дождя, как бы это ни было удивительно для нашего дождливого августа. Но на ее скамье, прислоненный к сумке, лежал зонтик. На мне снова были мои резиновые сапоги, а у ветровки снова был капюшон. Август превратится в сентябрь. Сентябрь так же быстро превратится в октябрь. Октябрь в ноябрь и так далее. Я же находил в этом особое предзнаменование. Август, как близкий конец всему цветущему, и мы, встретившиеся еще вчера на нашем закате. Ночь еще не наступила и закат тоже. Только яркие полоски покрасневшего и расплющенного солнца предзнаменовали конец дня. Нашего дня. Нашего века. Нашей короткой жизни, короче которой может быть только жизнь бабочки или собаки. И как назло, мы встретились только теперь. В этом дождливом августе.

– Раньше я думала, что это я особенная. Потом я поняла, что не я особенная, а все остальное, что меня окружает.

– Очень похоже на то, что я раньше чувствовал.

Она улыбнулась. В этот раз я тоже пил кофе. Мне показалось, так мы с ней находились ближе друг к другу. Этой ночью, скорее всего, я бы опять не уснул. Но об этом, как ни странно, я думал в самую последнюю очередь. Больше всего я думал о нашем разговоре, который сегодня должен был состояться. Я не знал, что из наших встреч могло бы получиться впоследствии, сколько их еще будет и о чем мы будем говорить, но это тоже меня не касалось. Это никого из нас не касалось.

– Расскажи мне о своей жизни. О том, что случилось потом.

– Что бы тебе рассказать. Даже не знаю. Поработала юристом, пока параллельно училась. Потом мы с семьей переехали из Читы в Югославию на несколько лет. Там я встретила русскоговорящего мужчину, за которого вышла замуж. Семья вернулась сюда, а мне пришлось остаться. Детей в браке не было. Работу я так и не нашла. По образованию работать уже не хотелось. Как ты говоришь, не тот темперамент. С возрастом я еще больше размякла и предалась голубым мечтам. Йован говорил, что мне все только на блюдечке с голубой каёмочкой подносить. Что я разленилась, впала в апатию и стала какой-то совсем не такой. А мне просто не хватало воздуха. Не хватало этих блюдечек с головой каёмочкой, которые позже я склеивала в своей маленькой студии.

Она сделала глоток из чашки. Я достал сигарету и попытался вообразить, чем я был занят примерно в то время. Наверное, тоже пытался обзавестись декорациями. Получил диплом и строил планы, в числе которых были песчаные дюны; тропические леса с невообразимым разнообразием всяческих крыльев, похожих на морды животных; огромные простыни атласов, которые я бы целую бесконечность раскрывал на своих коленях; ночлег под открытым небом, а также под страхом укуса бразильского странствующего паука. Но потом случилась жена. Пришлось перемотать все свои мечты скотчем и продать в своем антикварном магазине под видом кассет и кепки «Dickies». Я вздохнул. Нет ничего хуже того, когда собственные мечты приходится умертвить своими же руками.

– Его семья меня никогда не любила. Они считали, что я слишком темная, что у меня мощные для женщины ноги и передние зубы, похожие на лопаты, а волосы словно проволока. Они вели себя так, будто никогда не видели азиатов, или же всем нутром ненавидели их. Они переглядывались, стоило мне чихнуть или съесть больше, чем нужно. Но их сросшиеся брови, привычка курить в помещении и громкий говор, от которого я вздрагивала, как подстреленная… Это все снится мне даже здесь.

Она вздохнула и покачала головой.

– В какой-то момент я решила, что мне просто необходимо сменить свою деятельность и полюбить кого-то другого. Но вот, я вернулась сюда, где все и началось. Теперь я каждое утро пью тот кофе, который хочу, с тем количеством молока, которое мой взгляд только найдет приемлемым. Сплю до обеда, как я хочу. Мечтаю, как я хочу. Я могу чихать, не прикрывая рта, и завтракать в кровати, и самое главное, без зазрения совести не скрывать свой акцент.

– И что с Йованом будет теперь?

– Ничего. Я не планирую разводится официально. Я получаю от него письма, складываю их в одно место, и, конечно, никогда не читаю. Все это слишком прозаично. Я могу догадаться о каждой строке, что есть в этих письмах.

Кристина закачала ногой и убрала волосы за уши. Настало то время, когда за счет темноты фиолетовые балконы становились насыщеннее своим цветом.

– А ты? Почему вы развелись?

Я уставился в пустоту, пытаясь найти в себе то, что происходило тогда на самом деле. Дело в том, что я долго с этим боролся. С теми воспоминаниями. Я посадил это глубоко внутри себя и загородил от своего же внимания бетонными плитами. Но все было в порядке. Все было в порядке, пока я не начинал все это из себя доставать.

– Она разлюбила меня. И в один день исчезла вместе с ребенком.

Кристина повела бровью.

– Достаточно прозаично?

– Да уж. Иначе и не скажешь.

– Я тоже ничего не знаю о ней. Мог бы узнать, но не хочу. Можно сказать, я так же, как и ты, могу догадаться обо всем сам. Все это как-то уж слишком прозрачно.

Она долго всматривалась в мое лицо, на какое-то время застыв, как гипсовое изваяние, а потом издала горлом такой звук, словно наглоталась камней, повела плечом и отвернулась. Я рассмотрел в этом движении нежелание переставать смотреть. Это была некая вынужденная мера, загнанная в рамки приличия. Стоило ли мне говорить, как сильно ей было жаль? Ее тело говорило само за себя. Оно сразу стало каким-то неловким и угловатым, как будто ей стало отчего-то неудобно от самой себя. Язык тела говорит в девяносто девяти и девяти случаев, в то время как лицо может стать любым, каким только человек не пожелает его сделать. Лицо в девяноста девяти и девяти случаев молчит.

– А как же ребенок?

– Если человек чего-то хочет, его не остановить.

– И ты ничего не сделал?

– И что же по-твоему можно было сделать? Подать в розыск?

Я молча потер складку свою над бровями.

– Я всегда знал, что она мой личный палач, а мне в какой-то момент предстоит лишиться своей головы. Я просто не стал ей мешать.

Она закусила губу и взяла чайную ложечку в руку.

– В конце концов, такие как она не приживаются в браке. Да что уж там, они нигде не приживаются. Бегут ото всюду, будто их кто-то гонит. Беспрестанно чувствуют, что они не в своей тарелке, но этой нужной тарелки нет просто нигде. Таких людей не надо искать и не надо останавливать. Если запереть их дома, они вылезут в окно и расшибутся в лепешку об асфальт. Если верить этим людям, это – лучше, чем остаться в четырех стенах. Поэтому, лучше уж так. Отодрать как пластырь к чертям собачим. Рана долго будет болеть. Но все же, когда-нибудь перестанет. Так бы она болела всю жизнь.

– Ты это про нее?

– Скорее про себя. Сомневаюсь, что у нее остались какие-то раны. Что уж о пластырях говорить.

Мы помолчали, пока на улице №2, той, что была за ее спиной, по одному все больше и больше загорались балконы. Наверное, у нее было, что сказать мне или даже спросить, но она запечатала это все где-то в глубине души. Кристина отличалась тактичностью. Она бы никогда не стала юристом.

– Удивительно, да? Решили сбежать друг от друга, в надежде, что будем счастливыми. Оказалось, что это просто легенда. Вроде лепреконов, которые сидят на конце радуги. Или зубной феи, которая обменивает молочные зубы на деньги и шоколад. Оказалось, проблема глубоко не в нас. Главная проблема в то, что зубных фей и лепреконов не существует.

Я кивнул, хотя думал далеко не об этом. Я заказал себе большой бургер. Кристина от еды отказалась и только смотрела за тем, как я курю сигареты. Все это время прошлое было где-то здесь. Я бы даже сказал, что оно сидело в нас двоих, и стоило нам только встретиться, как мои кусочки и ее кусочки прошлого здорово так примагничивались друг к другу. Если бы я был один, я бы этого всего точно не ощутил. Прошлое выходит, откликаясь на чье-то точно такое же прошлое, связанное одним событием, людьми, погодой, и тем, холодные или теплые были руки у тебя и твоего человека. Теперь я всецело ощущал на себе это. Даже думать о жене, хоть мы и говорили о ней, у меня выходило с трудом. Мы оба думали об одном. Не о феях, не о лепреконах и не о нашем с ней прошлом, что прошло врозь. Мы думали о том, что ничегошеньки у нас с ней не вышло. Оказалось, там, где нас нет, есть кто-то другой. Всем важно оставаться на своих местах, чтобы не наживать себе всяких несчастий, в погоне за тем, что похоже на счастье. Может быть, для кого-то оно им и являлось, но не для всех.

– Ты не скучаешь по ребенку?

– Странно скучать по тому, кого ты не знаешь. Она еще слишком мала, чтобы у нее был любимый цвет или мороженое. Понимаешь? К тому же, это жена носила ее в своем животе. Она делилась с ней едой. Они вместе шли туда, куда шла она. Она спала с ней. Она разговаривала с ней и жаловалась на меня, когда я не выносил мусор и молчал, когда она обижалась. Это они были одним целым. А я всегда был мужчиной, который жил с ними в одном доме. Они на своей территории, а я на своей. Один. Когда она родила, я пробыл с дочерью всего две недели. И этого недостаточно. Недостаточно, чтобы привыкнуть к новому человеку. Недостаточно, чтобы его полюбить. Недостаточно, чтобы считать частью себя.

Я взял коробок со спичками и провел пальцем по его ребристой стороне. Я не смотрел на ее лицо. Мне было бы тяжело все это ей рассказывать.

– Я три раза ее укачивал и всего семь раз держал на руках. Это она знала, какой она будет. Она знала, какое у нее будет лицо и пальчики на ногах. Я же не знал об этом. Для меня это был совсем чужой человек, к которому, все же, я имел отношение. Я должен был провести с ней куда больше времени, чтобы суметь называть себя отцом – про себя и среди других. Должно было пройти время, и оно не прошло. Мне его не хватило.

Я помолчал, и только когда столкнулся с ее глазами, понял, что еще хотел бы добавить.

– Отец всегда достаточно далек от ребенка. Между ним и его ребенком всегда будет какое-то расстояние, в отличие от матери. Это врожденное. Все равно что трава зеленая, а небо голубое.

– Но трава же желтеет. И небо бывает разным. Розовым, синим, фиолетовым, желтым…

– Но суть то ты уловила. Я всегда был чужим и останусь таким. Я буду всего лишь папашей, которого она не запомнит. А она будет женщиной, которая родилась из-за меня, но только потому, что этого захотела ее мать.

– Но ты бы хотел, чтобы все сложилось иначе?

– Все сложилось так, как сложилось. Без толку рассуждать.

Кристина подперла лицо рукой и отвернулась, наблюдая, как кошка перебегает дорогу.

– Если бы тогда знал о твоем занятии, успел бы склеить наш с ней брак, и все бы обошлось. Хотя едва ли. Я уже рассказал тебе о ней.

– Нам срочно нужно поговорить о чем-нибудь другом. Извини, что вынудила тебя распахнуть передо мной душу.

– Можно подумать, это впервой.

– Старые-добрые привычки?

– Которые иногда возвращаются.

Кристина широко улыбнулась и ветер заиграл ее волосами, возвращая весь ее надушенный воздух в мое лицо. Я почувствовал себя лучше.

– Кстати об этом, и давно ты снова куришь?

– Не поверишь, совсем недавно.

– И сколько ты не курил?

– Восемнадцать с половиной лет.

– Ну и зачем это все?

Кристина склонила голову на бок.

– Будем считать, я бросил ради того, чтобы снова начать. Иногда такое бывает.

Какое-то время мы молчали. Я не знал, о чем с ней заговорить, но она выглядела чрезвычайно спокойной. Так, будто молчание никак ей не претило и наоборот было даже приятно. Вместо того, чтобы говорить, я тоже старался уловить в себе это спокойствие, что не могло родится в шуме или болтовне. Я рассматривал ее лицо, не в силах сместить внимание на что-то другое, и так, урывками, будучи готовым сразу же отвести взгляд, как только она обернется. Вдруг она отняла от лица руку и посмотрела в мое лицо совсем другими глазами.

– Восемнадцать с половиной лет?

– Когда мы расстались, я опять закурил.

Она спрятала свой взгляд куда-то под стол. Должно быть, ей было нелегко все это слышать.

– Расскажи мне о своем магазине. О бабочках.

И тут она сделала такое лицо, что мне было тяжело устоять, вот только я не знал, с чего мог бы начать. Это была та самая история, которую прячут в шкатулку и убирают под кровать. Я не говорил об этом ни с кем, даже ни разу не произносил вслух. Пожалуй, мне было бы сложно подобрать хоть какие-то слова, потому что я никогда их к этой тайне не применял. Но вот, что-то когда-то случается в первый раз.

Я сунул нос в воротник и почувствовал, как сильно запахло сырой землей. Через минуту пришел официант и принес нам кофе. В этот раз мы с ней тоже заняли места у веранды, но не потому, что она промокла или что-то еще. Мы сделали это неспециально, но я думаю, потому что здесь никто не мог бы нам помешать. Улицы были пустые и лишь случайные прохожие, одни из тех любителей травы или цветов, которые здоровались со мной кивком головы, пока мы ехали в лифте или стояли в очереди в супермаркете, бегло оглядывали нас с Кристиной, а потом так же отводили взгляд, как это планировал делать я. Я от этих взглядов не то чтобы смущался, но чувствовал себя неудобно, все равно что они могли знать, что мы когда-то встречались, потом разошлись, оба были в браке, а теперь вместе сидели здесь и… разговаривали? Словно они могли знать о нас с ней все, что могли знать лишь мы. Так или иначе, знай они обо всем, я не думаю, что они бы нас осудили. Нашлись бы и те, что отнеслись к этому с пониманием.

– Как ты понял, что желания этих людей исполняются?

Ее лицо было рядом с моим. Глаза заглядывали прямо в душу. Я понял, что лучше расскажу свою тайну ей, чем закопаю в лесу.

– Они приходят ко мне с другим желанием. И с более редкими бабочками. Они рассказывают, как исполнилось их желание и что именно они чувствовали.

– Но как ты понял, что ты это можешь? В смысле, как ты понял, что ты можешь исполнять желания? Да еще и таким способом?

– Когда я был маленький, кое-что случилось.

– Кое-что? Что-то, что ты даже мне не рассказывал?

Здесь я постарался посмотреть на нее серьезно. Ее узкий разрез глаз на миг стал еще более узким, а потом все вернулось. Она так же смотрела мне в глаза, затаив дыхание и все то, что еще шумело где-нибудь внутри нее.

– Я никому не рассказывал.

***

Когда это было, я не смогу точно сказать. Мне было от шести до девяти лет. Загадочным образом я не могу поделить этот период на более мелкие отрезки, соответствующие моему возрасту – шесть, семь, восемь, девять. По ощущениям в это время я был всегда одинаков, хотя едва ли оно было так. Я просто мало что помнил из детства. Не помнил, что к чему относилось, и потому составил некую главу жизни 6—9, куда мысленно запихивал все то загадочное и странное, что я делал и с чем сталкивался. Сюда же можно было отнести нашу с друзьями поездку в лес. Тогда же мы встретились с целой толпой бородатых мужиков байкеров, которые предложили нам сыграть в карты. Я помнил, что за их спинами был плакат с фразой, похожей на эти: «Земля – наша мать», «Берегите природу», «Животные – братья наши меньшие». Я тоже не помнил, сколько мне тогда было лет.

Я помню, что так же взял велосипед, пообещал бабушке, что не поеду дальше поселка, а сам поехал туда, куда спланировал еще утром. За нашей деревней была деревня, а за ней еще одна. Все три располагались точно друг за другом, как по тетрадной линовке. Я поехал вниз по тропе, что всегда была немножко под уклоном, чтобы пересечь первые две деревни поперек и оказаться в самом конце последней. Здесь был кусочек зеленого леса и дальше – его более дикое продолжение, распространившееся повсюду. Где-то здесь был последний соседский домик и рядом с ним огромная поленница, где, я считал, могли водится скорпионы. Однажды мне пришлось увидеть такого же, и я не помнил сколько мне тогда было лет. Я никогда не видел живых скорпионов, но посчитал, что это точно был он. В опилках и щепках карабкалось существо с хвостом и множеством лапок, заключенных в твердый блестящий панцирь.

Мне нужно было обогнуть этот дом справа, найти в лесу тропку и ехать точно по ней до конца. Эта тропа должна была привести меня в огромное поле. Справа от него было местное кладбище, где все его жители лежали целыми семьями. В детстве я лучше остальных детей понимал, как важно положить умершего человека рядом с тем, кого он знал и любил. На этом кладбище никто не лежал в одиночку.

Слева от конца этой тропы, в самом конце, докуда только могло хватать взгляда, стояла третья деревня. Там жили совсем старые люди, которые потихоньку уступали свое место тем, кто еще только начинал свой жизненный путь. Как только кто-то там умирал, дом выставляли на продажу, потом, когда его покупали, оттуда долго разносились звуки сверлежки. Эта сверлежка могла не прекращаться годами, а потом, наконец, смолкала. И вот, в доме появлялись новые лица. Это было печальное зрелище.

Но зачем я в этот день решил приехать именно сюда, я не знал. Знаю только одно, моя тяга к глуши, тишине и местам, где кроме меня могли быть лишь мертвецы и ежи, которые жутко пугались моих колес и то и дело фырчали, чтобы я мог их заметить и вовремя свернуть в сторону, – все это шло из детства. А вернее было сказать, что я был таким изначально. Стариком в теле ребенка, как кто-нибудь наверняка мог сказать. Вот я и поехал туда.

Сначала все было так, как я запланировал. Тропка была усыпана песком и кое-где на пути мне встречались доски и еще кое-какой мусор, что мешал моему движению. Но до сих пор я умело все это объезжал, выбирая участки с твердой землей, а лучше поросшие травой – такие для колес были крепче. Я ехал, смотря по сторонам на то, как солнце бежит меж дере-

вьев прямо за мной. Велосипед у меня был классный. Его мне бабушка с дедушкой подарили на день рождения. Совсем не важно, что кататься на нем я научился не сразу и перед тем, как это случилось, я разбивал обе коленки по нескольку раз, да так, что на них живого места не оставалось. Но раны заживают. Кататься на велосипеде ты учишься всего раз в жизни, пусть иногда и долго. Но научившись, ты будешь кататься, пока не умрешь. Коленки все помнят. Вот бы и в старости у меня был свой велосипед. Я бы катался на нем на кладбище, посмотреть кто там появился и заранее присмотреть место и для себя, рядом с теми, кого я знал и мечтал повстречать снова.

Я ехал и уже почти финишировал отрезок, что был особенно крутым, но который тут же бы вывел меня наверх. Но вдруг мне под колесом попался здоровый камень, который я сразу не разглядел. Все, что случилось дальше, было как в тумане. Не сумев справится с управлением, я покатился куда-то в сторону, туда, где передо мной услужливо раздвигались кусты. Я хотел затормозить, как вдруг моя крепенькая земля, по которой я старался следовать, сменилась песком, да таким мокрым и жидким, что мои колеса не буксовали, а только упрямо несли меня куда-то вперед, постепенно снижая скорость. Когда велосипед почти перестал ехать и полностью увяз в песке, я поспешил с него слезть и перевести дух, ощущая, как от щек постепенно отлипает страх.

Место, где я оказался, было мне незнакомо. От основной дороги я проехал совсем ничего, ровно столько, сколько позволил мокрый песок, но то, что я видел, показалось мне оторванным от всего того, что я привык видеть. Солнце стекалось именно сюда. Все было желтым и тихим, и я бы даже сказал, неприкосновенным. Я почувствовал себя виноватым, что по стечению обстоятельств съехал с тропы и оказался здесь. Деревья были почти не тронуты ветром. Все стояло и молчало, охраняя свой личный порядок, в том числе и от меня. Я вертелся на одном месте, стараясь охватить взглядом все, что попадалось мне на глаза. Все сияло. Прислушиваясь к своим же шагам и шороху одежды, я поставил велосипед на колеса и проверил шины на наличие повреждений, как меня этому учила тетя. Берешь шину указательным и большим пальцами, а понимание, прохудилась шина или нет, безошибочно приходит само, как да или нет. На второй шине, стоило только приложить к ней пальцы, я услышал непонятный шорох, похожий на шум воды или ветра, когда листья деревьев начинают хлопать в ладоши. А то и на побег какого-нибудь зверька, но судя по звукам, определенно не слишком большого, такого, какого я мог бы спрятать в своей куртке и проехать с ним пару остановок на электричке.

Я выпрямился и почесал голову. Почему-то шевелиться мне совсем не хотелось, а пойти на звук и посмотреть что там было такое, – сама только мысль об этом манила меня, как запах свежей малины. Я выпрямился, оставил велосипед и пошел к зарослям, откуда по моему мнению эти шорохи исходили. Близился конец августа, и трава была спрятана под опавшей листвой, что была для меня отмершими глазами, ушами, волосами и ногтями деревьев. Это говорило о конце. О том, что что-то умирает, чтобы родилось что-то другое. Та же листва на тех же самых деревьях. Какие-то деревья вырубали, какие-то снова сажали. Но следующей весной и летом это будут уже совсем другие листья и совсем другие деревья. Я знал об этом, как не знал о скорпионах.

Я подошел к кустам. Это был даже не шорох, а шепот. Будто прежде чем умереть, все вокруг решило вдоволь наговорится. Раздвинув ветви деревьев, уже не такие эластичные, как вначале лета – эти уже царапали руки – я увидел крохотный ручеек, похожий на обычную лужу, и я бы вовсе не удивился, узнав, что это действительно была лужа. Толщиной этот ручеек, тонко-тонко стелющийся по земле, был как самое тонкое тесто, что когда-либо раскатывали руки моей мамы. Настолько, что даже самые мелкие камушки, разбросанные по земле, собирали воду в подобие складок, да таких чудных и разных по форме сложения, что я не смог бы их повторить даже с тканью.

Шорохи, которые я слышал, вскоре начали напоминать мне шепот. Шепот тех бабочек, что целыми тучами роились над этим ручьем. Здесь были и самые обычные виды. Те, что я видел раньше в том поле, куда направлялся, у бабушки в саду и даже в городе. Здесь были голубянки, капустницы и бабочки павлиний глаз, от которых у меня рябило в глазах и казалось, что весь лес обратился сплошными нарисованными глазами. Они порхали, садились на камни и раскрывались очередной парой глаз, напоминающих глаза диких птиц.

Здесь были те бабочки, которых я видел во всяких обучающих фильмах, в учебниках биологии и энциклопедиях, которые я брал в библиотеке, часто держал их дольше установленных сроков и приходил виноватый, а то и не возвращал вовсе и заводил читательский билет в другой библиотеке. Я помнил, что я где-то их уже видел, но уже не мог вспомнить как они назывались. Здесь были и другие. Те, которых я ни за что бы не смог представить в своей голове, если бы они никогда не были придуманы. Было удивительно, что кому-то это оказалось под силу. Это были те виды, которых, как мне тогда показалось, за все время, что они существовали, могло коснуться всего-навсего несколько пар человеческих глаз. Стоило ли говорить, чего для меня стоили эти мгновения соприкосновения с чем-то тайным, пусть и так, украдкой, всего-то сетчаткой глаза, рецепторы которой, как я уже тогда знал из тех же энциклопедий, позволяли мне увидеть цвета. Но они позволили сделать мне еще одно открытие. Бабочки никогда не смогут осознать свою красоту. Эти самые существа, может быть, даже самые красивые в мире, во всяком случае, красивее нас всех, людей, никогда не смогут рассмотреть собственную красоту. Бабочек было так много, что у меня разбегались глаза. Они кружили над ручьем, словно в нем было что-то, что их притягивало. Что-то, о чем они все вместе шептались, что-то, чего не мог увидеть я, примерно так, как и они не могли увидеть своих же крыльев. Я был с ними, но они не замечали моего присутствия. Вскоре я понял, что они говорили о лесе, о том, что за ним есть огромное поле с цветами, еще – о гигантских бабочках без крыльев, которые носят яркие одеяния, топчут траву и заселяют планету своими звуками. Еще я понял, что они говорили об этом ручье, о камнях, о воде, которая говорит на их языке. Они говорили друг о друге, о тех местах, где они были, но уж точно не о крыльях друг друга.

Я долго стоял в стороне, а потом решился сдвинуться с места. Из них всех мой взгляд приковала одна бабочка. Она не была крупней остальных особей, но определенно выделялась из стайки своим темным мохнатым брюшком и такими же темными крыльями, что были даже не черными, как ночь, – сама ночь была бы светлей этих крыльев. Я даже издалека мог увидеть изумрудно-перламутровый блеск поверх этой черноты, что делал цвет еще более глубоким, как если бы под ним было что-то еще более важное, чем просто цвет, пыльца, крылья и сама бабочка. Что-то, что я не мог объяснить.

Я не смог удержаться, когда эта неизвестная бабочка села на камень совсем возле меня и расправила крылья, а потом сложила их и снова расправила, будто внутри этого тельца была спрятана маленькая пружинка. Я сделал шаг в ее сторону. Шепот усилился, но я уже не мог остановится. Красота этой бабочки напомнила и мне, и всему окружающему, что я был обычным ребенком, который не прочь поймать подобную красивую штучку. Я уже и не думал, что буду делать с ней, когда у меня выйдет ее поймать. Наверное, это было не так важно. Был важен момент. Как я медленно снимаю с себя свою кепку, аккуратно, скрипя суставами, опускаю предплечье и замахиваясь точно над ней, собираюсь сделать все так быстро, что она бы этого не заметила. Однако, в последний момент, прямо перед тем, как быть накрытой моей ярко-синей кепкой «New York 1968», бабочка, будто предчувствуя что-то, сложила свои крылья вместе. Но я был быстрей. Даже до того, как я собирался сделать то, что сделал, я знал, что все получится. Перед тем, как должно случиться что-то волнительное, обычное приходит призрачное ощущение – вот оно, сейчас все получится, – и после него обычно все получается. Так и было в этот момент.

Я видел, как она скрылась под кепкой и все вокруг замолчало, как если бы всему резко пришел конец. Шепот внезапно смолк. Даже ветра и то не было слышно. Все стало одним большим отсутствием звука. Когда я поднял взгляд наверх, в воздухе не оказалось ни одной бабочки. Все они разлетелись кто куда. Какие-то уселись на листья дальних деревьев, какие-то на камни и на землю рядом с ручьем. Одна из них сидела под моей кепкой. Неестественная тишина, в которую меня погрузили, как в холодную воду, стала поводом для моего понимания. Я сделал кое-что непоправимое. Я так и стоял, не в силах пошевелиться и поднять свою кепку. В голове разбежались все мысли, став какой-то неразличимой кашей из эмоций и впечатлений, пока что не облеченных в слова.

Но тут произошла нежданная перемена, которую я не сразу заметил. В этом ворохе из всего того, что во мне осело, вдруг выстроилась длинная чистая полоса. Это было совершенно другое состояние разума. Все вмиг упорядочилось само по себе. Так, казалось бы, должно было выглядеть первоначальное состояние сознания человека. Пока я стоял и разглядывал свои загорелые руки и синюю кепку, под которой сидела невероятной красоты бабочка, по-настоящему стараясь смотреть только *в себя*, я вдруг заметил, как по этой чистой полосе как по пластмассовой трубочке заструились новые мысли, похожие на тот самый шепот, что мне довелось здесь услышать. Я следил за этими мыслями, чтобы ни одна из них не улизнула от моего внимания. Я мысленно поднял вверх указательный палец, прошептал «чу!» и прислушался. Не прошло и мгновения, как что-то сказало мне о лесе, о том, что за лесом есть поляна с цветами, о людях, которых этот голос принимал за высоченных, словно деревья, причудливой формы бабочек, что глазели на них и ловили гигантскими сетями на палочках. Голос говорил со мной шелестом и хрустом, который я сам превращал в слова, делал их настолько живыми, что позже мне показалось, что в этот момент со мной безусловно кто-нибудь говорил.

Я отрекся от своего тела. Картинка перед глазами переставала быть настоящей. Я внимал. Шепот продолжал говорить. Он был неразличим, но я воспринимал его словно речь, ту, которую слышал ото всюду с самого появления на свет. Тут то он и рассказал мне о бабочке, что была точно под моей кепкой. Он сказал, что это очень важная бабочка, единственная в своем роде. Я подумал, что она занесена в Красную Книгу или типа того. Голос продолжал. Он поведал мне, что второй такой бабочки не существует и я просто обязан опустить ее на волю к другим бабочкам. Возможно, тогда случится настоящее чудо, и она сможет произвести на свет маленьких куколок, а те в свою очередь положат начало развитию целого рода подобных особей. Взамен на то, что я ее отпущу, голос пообещал исполнить мое заветное желание.

Я задумался, мозоля взглядом надпись на своей синей кепке: «New York 1968». Я несколько раз перечитал эти два слова, потом разобрал их на буквы и приступил к цифрам. Я был погружен в размышление. Какое желание я мог загадать? У меня была семья, была кошка Соня и даже собака по имени Шарик, был свой велосипед и телевизор, чтобы смотреть всякое в тайне от родителей. Я занимался всеми теми вещами, что находил интересными, ходил в школу и увлекался анатомией птиц и животных. Вскоре я пришел к выводу, что не могу ничего загадать, потому что все у меня уже и так было, начиная с чего-то важного и заканчивая всякими мелочами по типу окунуть палец в банку с джемом или понюхать журнальные страницы. У меня просто не хватило фантазии выдумать что-то помимо блестящих ручек, что у меня уже были, и игрушечного самосвала, которого я хотел вот уже целую вечность, но его совсем недавно мне купили родители. Я сказал этому голосу, что не могу ничего придумать и тогда он пообещал мне, что за эту бабочку все бабочки мира, маленькие и крупные, редкие и не очень, будут помогать мне исполнять желания других людей.

Я помню, что поднял кепку и отошел на пару шагов назад, пытаясь удержать все услышанное в своей голове, а все те ощущения, что мне довелось испытать, на своем теле. Моя бабочка упорхнула, и я с замиранием сердца наблюдал за их общим танцем, связанным с объединением и тем, что в их тайну впервые был посвящен человек. Тот, кто был похож на гигант-

скую бабочку, но не обладал такими красивыми крыльями и вообще не умел летать. Тот, кто был высок, как какое-нибудь дерево, и любил ловить красивых бабочек своей кепкой.

Домой я побрел затемно, катя свой велосипедик рядом с собой. Этой ночью ко мне впервые пришла бессонница. Я ворочался и не мог найти в себе ни одной капли сна. Наутро бабушка рассказала мне об этом понятии, и я запомнил его на всю жизнь, как и то, что случилось со мной тем солнечным августовским днем. Этот мелкий ручей и рой бабочек прямо над ним встречал меня каждый раз, когда я последующие два или три года его посещал. А потом в какое-то лето ручей высох и бабочки тоже пропали. С ними пропало и то волшебство, их шепот, похожий на природные звуки, и то чувство, заставляющее ступать по земле как можно тише, чтобы ненароком ничего этого не разрушить. Тогда я и понял, что дело действительно было в ручье. Я не помнил, каким летом все это исчезло. Это было одно лето из тех, что помещалось в рамки загадочного периода 6—9.

После, когда я приезжал туда в сознательном возрасте, я видел только отчего-то мокрую землю и доски, наваленные прямо в том месте. Каждое лето я надеялся, что я смогу снова это увидеть, но все было тщетно. С ручьем все пропало. С ним пропала и красивая черная бабочка с мохнатым брюшком. За всю жизнь я не встретил ничего похожего. Она словно испарилась. И я, взрослый, без своего велосипеда, но с заметной щетиной на подбородке, смотрел прямо туда, надеясь, что бабочки в ту же секунду вылетят из-под досок. Но этого не случалось. Не случилось раз, не случилось два, не случилось три. Все это можно было смело принять за детские фантазии. Это меня и тревожило. Было ли это на самом деле?

Все то, что было со мной в период 6—9 и без того можно было принять за нечто спорное – скорпионы, которые не могли водится в опилках; блестящая голубая глина, что напоминала мне крохотные яйца красивых змей, – ее я накопал в каком-то далеком лесу; отрубленная поросячья морда в люке дедушкиного сарая, что заглянула мне прямо в душу; какая-то семья, с которой дружила моя тетя, их лица и смех, который я уже не мог воспроизвести в своей голове, и тем более вспомнить их имен; тайные встречи с соседской собакой, с которой я тесно дружил и зимой носил конфеты из дедушкиного серванта, перелезая через ограду… Все это был период 6—9. Чужой и таинственный. Что-то из этого несомненно было правдой, и если к большинству этих вещей я относился как к какому-то сну, другой жизни, которая приключилась с кем-то другим, но мне повезло за ней поглядеть, то к той поездке – с полной серьезностью. Стоило ли говорить, что среди всего своего детского хлама я взял с собой во взрослую жизнь только синюю кепку, ту самую, под которой в нескольких сантиметрах от моей руки сидела бабочка Черно-Зеленое Брюшко.

***

Кристина с замиранием сердца смотрела на меня еще минут десять. Наверное, ей казалось, что в такой важный для меня момент только я и мог проявлять какие-то признаки жизни – покашливать, шуршать своей курткой и сигаретами, помешивать сахар в кофе, от которого я потом не усну, вспоминая, как хотел унести эту тайну с собой в могилу. Но теперь это точно не выйдет. Не знаю, о чем она думала. Знаю только, что не смотрел на нее. Мне было сложно только представить, что она думала обо мне после всего того, что я рассказал. Я отвлекался на какие-то вещи, что лежали передо мной, отвлекался на случайные мысли, но сердце продолжало колотится как бешенное. Я мог сколько угодно обманывать себя, но его обмануть у меня бы не вышло. Я выучил это, когда еще был в периоде 6—9.

– И что, ты нашел эту бабочку?

Я не стал на нее смотреть. За эти полчаса в ней ничего бы не поменялось. Ее азиатский разрез глаз все так же напоминал бы мне закат солнца, когда горящий шар уже наполовину погружается за горизонт, а ты смотришь на него и вздыхаешь, ждешь, когда его поглотит тьма.

Каждый раз менялось только их выражение, да и только. Ну а так, они почти что всегда были для меня одинаковы. Ее волосы по-прежнему были рыжими, и это было на ее совести – не буду упоминать, что для меня это было настоящим преступлением против себя и своего прошлого. Но она имела на это право. Никто никому ничего не должен. Даже оставаться таким, каким он был в памяти какого-то человека. Ведь для этого память нам и нужна – запоминать людей такими, какими они были, когда ты их любил. Потому что все меняется, и не всегда так, как этого хочешь ты. Глупо полагать, что можно это как-нибудь обойти, ведь планета вращается, и мы вместе с ней. Только самые искусные шулеры смогут обмануть свою жизнь и судьбу, только бы остаться там, где они начали, и никогда не вертеться и не стареть вместе с планетой. Я таких никогда не встречал. Ведь я сам стал другим. Сидя сложа руки и молча наблюдая за тем, как вокруг меня все разрушается, я все равно стал другим. И это было самое главное. Дело было не в цвете волос. Я бы сам себе не ответил, в чем же все-таки было дело. Мне это просто не нравилось, вот и все.

– Нет, я ее не нашел.

– То есть, поэтому ты получил второе образование? Чтобы самому выяснить, существует она или нет?

– А ты глубоко копаешь.

Мы встретились взглядом. Я вдруг осознал, что мы с ней когда-то спали в одной постели.

– И что ты выяснил?

– Что я выяснил? Ничего. Зато я выяснил много чего другого. Всех бабочек, что когда-либо населяли землю, я могу назвать так: вид, подвид, размах крыльев, примерная численность, среда обитания. Я никогда не мог подумать, что среди всех этих чешуекрылых, что населяют нашу планету, среди того миллиона особей, если только не больше, я не смогу найти ту единственную.

Она смотрела на меня, закусив губу. Пожалуй, в своей голове она только что представляла, как могли проходить ее вечера вчера и сегодня, если бы она не встретила меня – под кленом, с зонтом цвета хаки и в моих любимых сапогах. Я же в свою очередь представлял то же в ответ. И не знаю, столкнулись бы наши с ней мысли носами или же нет.

– Похоже, та бабочка все же была единственной в своем роде. Тот голос сказал мне, что она может дать продолжение самой себе, но по всей видимости этого не случилось. Иначе факт существования этой бабочки уж точно не укрылся от взгляда таких как я. Тех, кто горит желанием прикоснуться к тому, что неизвестно никому кроме него. Это собственничество. Это погоня за тайной, которую от нас прячет сам мир.

Я сделал паузу. Ее глаза расширились. Клянусь, пододвинься я к ней чуть ближе, я мог бы увидеть в них себя.

– Думаешь, если бы она осталась одна во всем мире, а потом погибла через пару дней, как и отведено бабочкам, эти бабочки стали бы исполнять желания всех твоих клиентов?

– Не знаю. Этот вопрос мучает меня уже много времени. С того самого дня, как я увидел это вживую. Их интимное общение между собой, их сообщничество, тайное и непонятное никому, кроме меня или еще кого-то, кто так же случайно оказался не в то время и не в том месте. Знаешь, оно почти такое же, как у людей, только ближе. Все равно что мы бы сидели сейчас с тобой и…

Я попытался что-то изобразить руками, но ничего не вышло. Она же смотрела на меня с удивлением и даже с любопытством. Все же возраст не смог у нее этого отобрать. Всего этого живого в ней, что только цвело и распускалось, цвело и распускалось… Я все больше узнавал в ней Кристину от слова «крест» и все меньше жалел, что я не смог удержать свою тайну у себя за пазухой.

– Все равно что мы бы сидели и соприкасались нашими глазами, прямо слизистыми, понимаешь? Щекотали друг друга ресницами и всякое такое… А лучше, общались бы друг

с другом посредством урчания в животе. Ты бы понимала меня куда хуже, если бы я мог сказать все то, что зашифровал для тебя мой желудок. Это было бы совсем другое. Это было бы более поверхностно. Все равно что…

Она зажмурилась и поджала нижнюю губу. Должно быть, я плохо умел изъясняться о чем-то абстрактном.

– В общем, я все равно не смогу тебе как следует объяснить.

– Я понимаю.

– Правда?

– Ну да.

Мы помолчали. Кристина стучала по чашке ногтями. Вечер нас обнял. Становилось темно. Я думал, захочет ли она увидеть меня завтра или послезавтра.

– И что, даже ни один из твоих клиентов ни разу не приносил тебе ничего похожего? Хотя бы просто отдаленно?

– Нет. Ничего похожего. Разве что, Парусник Маака. Она довольно большая, куда больше той бабочки, что сидела у меня под кепкой. Максимальный размах крыльев Парусника, в частности, самца, примерно около тринадцати сантиметров. У той бабочки, сдается мне, он бы не превысил и девяти. Все в ней было достаточно просто, вот только… Сам окрас переливался, будто чешуя рыбы.

Я отпил немного кофе, проследил, что она смотрела на меня, а не по сторонам, и продолжил.

– Но на ней не было ни симметричного узора, ни чего-то такого, что свойственно чешуекрылым. Было просто черное полотно, покрытое россыпью изумрудного. Представь, что каждая ее частичка черного опыления была присоединена к частичке изумрудного опыления. И это было так натурально, что можно не поверить своим глазам. Это было настоящее чудо природы. Ни пятнышка, ни резной окантовки по краям крыльев, буквально ничего. Только черная мгла, словно кусок вселенной.

– И ты никому об этом не рассказывал?

– Рассказывал одному профессору, а потом однокурснику, а тогда, когда это случилось, рассказал своей бабушке. Но я никому не говорил как именно это случилось. Я просто описывал бабочку, которая заняла все мое воображение. Но никто, включая профессора, что опросил всех своих коллег и искренне заинтересовался вопросом, а потом предлагал мне всевозможные варианты особей с похожим опылением и строением крыльев, никто из них не докопался до той правды, что я искал. Профессор раскладывал фотографии на своих коленях, и мы с ним вместе, согнувшись в три погибели, два кретина с бабочками в голове, рассматривали кандидатуры, предложенные региональным советом энтомологов, а по совместительству еще и лепидоптерологов.

Я сделал паузу. Внутри паба громко заговорили мужчины. Скоро должна была завязаться потасовка. Такие вещи я чуял всегда, и безошибочно успевал смотаться оттуда перед тем, как кто-то кому-то врежет. Это была моя сверхспособность. Мы вместе посмотрели в желтые окна, где двое потных мужчин стояли друг напротив друга и мотали руками, потом, будто думая об одном и том же, синхронно повернули головы в сторону улицы. В ту же секунду надумал пойти дождь, мелкий и тихий, похожий на чьи-то слезы после тяжелого дня. Я ждал этого дождя.

– Неужто никто не посчитал тебя сумасшедшим?

– Как же, было и такое. Сначала все загорались идеей найти эту самую бабочку, а потом застать меня врасплох. Но когда я начал отвергать бабочку за бабочкой, что мне показывали на марках или карточках для коллекционеров, на фотографиях из научных трудов, кадрах из научно-исследовательских фильмов… Начинали считать меня идиотом. Видишь ли, сначала они верили, что такое может быть. Что может быть некое неизвестное никому существо,

которое миру только предстоит обнародовать. Потом, когда ничего не выходило и у них, начинали откровенно беситься. Остаться не у дел – не самое приятное, что может быть. Считать, что именно ты сможешь разгадать что-то великое, а потом понимать, что не можешь. Иногда проще счесть кого-то больным придурком, кому это все просто привиделось. Хотя, я бы соврал, если бы сказал, что никто из них не хотел бы быть на моем месте. Каждый энтомолог хотел бы испытать что-то подобное. Открыть что-нибудь, что никто до тебя не видел. Можно сказать, это цель истинного ученого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.